

Сергей Николаевич Дурьлин

СКАЗАНИЕ О НЕВИДИМОМ ГРАДЕ-КИТЕЖЕ

Москва, “Проталинка”. 1916

Тихо плещется озеро. Оно, как горсть живого, светлого серебра, брошено между желтеющих полей и темного леса и тихо играет на солнце, и зыблется серебряной мелкой рябью. В одну сторону от него золотыми узкими полосами расходятся поля и пропадают где-то далеко на горизонте; за полями большое торговое село, через которое идет дорога на реку Ветлугу, а там уж и до Волги недалеко.

Три холма подступили к самой воде с другой стороны. А они заросли лесом. Густой лес, тихий, чистый — и прохладно в нем, и пахнет смолой: жирными наливными янтарными каплями сочится она по розовым стволам сосен. Земляника выглядывает, как рассыпанные алые драгоценные камешки, в густой траве, из-под папоротника. А там на опушке, на пригреве, где солнце не уходит целый день, там она краснеет, как алый разостланный атлас, сплошными коврами.

С озера тянет прохладой и тишиной. Оно глубокое и чистое как слеза: никто не мутит его чистую глубь — в озере не купаются, на лодке по озеру не ездят, рыбы не ловят. Верят старые люди и передают свою веру молодым: если в озере купаться, оно зарастет травой и осокой, обмелеет, усохнет.

Прежде, в старые годы, ни зверь, ни человек вовсе не погружались в озерную глубь — и еще чище, еще светлей сияло и играло озеро, и глубина была в нем неизмеримая. Стали кое-кто — мало ли всякого непокорного, неразумного люду на свете? — стали купаться в озере — и берега, — не все берега, а краешком, — зазеленели осокой, заболотились, затинились: точно не пускает озеро никого притронуться к его чистым водам и ограждается от неразумных людей болотом да колючей осокой, как забором. “А если начать рыбу ловить в озере, — учат старые люди, — всю Волгу рыбы лишешь. В озере том проток есть — подземный, глубокий, а людям невидимый — в самую Волгу. По протоку рыба из Волги в озеро приходит погостить: нагостится, нагуляется, наплодится на воле, без всякой опаски, — и опять в Волгу уйдет. В озере рыбе ход вольный: никто ни вершей не ставит, ни удочкой не ловит, ни сетями не берет. А если рыбу озерного покоя лишить — ей отдыха вовсе не будет: всю выловят, до последней рыбешки, от стерляди востроносой до последнего пескарика. Только в озере, в Светлояре, и воля рыбная есть; опричь него везде — рыбе неволя”. — Так говорят старые люди.

А если спросить старых людей:

— А купаться-то отчего же нельзя в Светлояре? — ответят так:

— Вода чистая, ровно как в купели, где младенцев крестят: ну с нашими-то телами, с грехами-то нашими бесчисленными как в чистоту такую войти? Сами не просветлеем, а чистоту нарушим: грехом замутим.

Вот водицы испить из Светлояра-озера — хорошо и можно и пей на здоровье: стань на коленки, наклонись над озером, зачерпни горсткой, лицо себе водой омочи — лоб и очи, и уста. Чиста вода светлоярская! Горе с лица человеческого смывает, скорбь прогоняет, а из очей слезная вода водой светлоярской бесследно смывается.

Да когда к озеру придешь, обойди его трижды — оно невелико: всего верста в окружности, помолись, перекрестись, посмотришь в него: чище чистого, светлее светлого играет оно — и солнце радуется в небе на него, и лес древний засматривается в его тихие глубины, и рожь желтая, что подошла к самым бережкам, ему песенки поет тихие, нежные, длинные и кланяется ему ниже пояса. Птица крыла в озере не замочит, зверь воды не испьет. Облака с неба белые засматриваются, а ночью звезды лучами в его водах играют.

II

Жил в старой Руси — еще до татарского нашествия — князь Георгий, по отцу Всеволодович, а по родине — из славного вольного Пскова, и был он жития тихого, радостного, святого, а собой прекрасен: ростом высок, телом статен, русоволос, с очами серыми, ясными и светлыми, поступью быстр и величав, а душою — был поистине князь благоверный: великая тишина и радость были в душе князя Георгия.

Была у него верная дружина — в князе души не чаяли, князево добро помнили и своим добром ему платили, были у князя отроки прекрасные, верные прислужники, тихие и ликом светлые, был у князя друг верный и славный — князь Михаил Черниговский.

Вот поехал князь Георгий по всей земле Русской, по просторам ее и раздольям, по дремучим чащобам, по лесам непроездным, по полям пологим, по селам и городам.

Ехал князь и на вороном коне с серебряной уздечкой, ехал князь и в санях с полостью медвежьей, на высоких полозьях, ехал князь и в дубовом белом струге (ладье) многовесельном с белым камчатым парусом, ехал князь по озерам и рекам, ехал и в летний зной, и в осеннюю беспутицу, и в ростепель весеннюю, в зимнюю стужу-непогоду. И на каждом привале, на каждом отдыхе, на полянке ли, на пригорочке ли, на берегу ли речном — везде князь ставил крест деревянный, а где подольше с дружиной стоял постоем или место князю было по душе, там закладывал князь Георгий церковь Божию. И в Ростовской земле, и в Новгородском краю многоозерном, и в малом и бедном княжестве Московском — всюду поставил князь церкви Божий и молебны отпел, чтобы прошло имя Христово по всей Русской земле от края до края и чтоб Сам Христос в сердца людские сошел, всех Своей правдой обрадовал.

И доехал князь Георгий долгим и трудным путем-дорогой до города Ярославля, сел с дружиною и отроками в новый струг и сплыл вниз по Волге. Широка Волга и светла — и краса кругом непочатая: леса и дубравы в воды засматриваются, от птичьего пения по зорям сон отходит: поют птицы непуганные,

нестреляные, вольные. Простор кругом: людей за редкость встретить можно, а зверя в лесах — видимо-невидимо.

Князь Георгий Божьему Миру, приволью речному и лесному дивуется. Вся тварь Бога хвалит: кто — песней, кто — словом, кто — шумом древесным, кто — тихой красотой да светом мирным. Поутру, от сна встав, долго молился князь на восток; встанет на корме струга и молится. А птицы ему в небе откликаются, да леса шумят над водами.

И приехал князь к городу Малому Китежу. Стоит город на самом берегу Волги, церквами Божьими красуется, а дома все сосновые, в лапу рублены, крепко-накрепко.

Жители в городе ласковы: князю рады, дары несут: мед чистый, янтарный, из дремучего леса взятый от пчелок, от Божьих работниц, — и меха соболиные, лисьи, бобровые, горностаевые. А в церквах к молебнам звонят. Отслужил князь Георгий молебен Владычице, поклонился за ласку, за привет горожанам, потрапезовал, отдохнул с дружиною — и в путь. А путь князю дальний, неведомый, непроходимый: лесами темными и частыми.

Едет дружина княжая конь за конем, впереди идут пешие люди — топорами путь прорубают, сучья да еловые лапы рубят. Зверь не пуганный в лесу: на людей смотрит, впервые их видит, диву дается. Волки стороной дружину обходят, лисы из нор подсматривают, горностай белобрюхий с ветки глядит. Гущина в лесу непроходная.

Свет мелькнул, простор глянул — к реке выехали: река светлая и глубокая, Керженец. Переехал князь реку вброд, помолился на другом берегу, велел крест срубить и далее поехал. И много ему рек и речек на пути встречалось, а такой красивой да быстрой не видывал. И опять лес пошел, еще гуще прежнего, еще темней старого: сосны — человеку не обхватить, а лапы у елей — шире медвежьих.

И глянуло озеро из-за чащи лесной — точно кто серебро обронил там светлое. Обрадовался князь озеру Светлояру. Слез с коня, на колени стал, нагнулся, зачерпнул не серебряной чарой — княжеской рукой воды испить. Вода светла, вода чиста, вода холодна.

И увидел князь, что место то необычайно прекрасно и чудно: воды серебряные, лес многошумный, холмы кругом высокие, и пала дружина княжая, отроки и бояре на колени и молят князя:

“Быть здесь, княже, граду великому, а тебе, господине, град тот строить”.

И по просьбе их повелел князь Георгий Всеволодович строить город именем Большой Китеж, ибо место то было красы неопикуемой.

Начали рвы копать, и лес рубить, и пни корчевать, начали класть церковь во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго

Креста, а вторую церковь — во имя Успения Пресвятыя Богородицы, а третью — во имя Благовещения, а в этих трех церквях повелел князь приделы делать иным праздникам Господним и Богородичным, и образа всех святых написать, чтобы был тот град Большой Китеж всех градов славней и праведней, и верою сильней.

Три года Большой Китеж строили. Работа спорилась. Днем люди строят: лес пилят, бревна рубят, стены кладут, кровли кроют, колокола льют, а ночью ангелы ту же работу делают: плотничают, столярничают, образа пишут, колокола льют. Утром люди встанут, на работу придут, дивуются: работа далеко ушла, и, помощь незримых работников видя, еще прилежней работают. Люди и ангелы трудились, а Христос с небес за трудом надзирал и труды благословлял.

И вышел город Китеж Большой — град из градов: храмы Божий золотыми крестами в синее небо смотрят, колокольный звон над городом, как облако густое, плывет, в храмах службы идут чинные, благоговейные, верные, — палаты княжеские, как жар, златоверхой кровлей горят, стены белые город хранят — стены с башнями неприступными, с зубцами, ходами и переходами. А выше всех храмов, башен и палат — с собора Воздвиженского крест золотой над всем городом воздвигается. Издалека крест виден: из-за леса, из-за озера; по кресту и путь в город узнают, и кто на крест путь держит, тот в лесах не заблудится, на звериную потайную тропку не свернет.

Увидел благоверный князь Георгий созданный им Китеж — большой град, пал на землю, и со слезами Бога возблагодарил и прославил.

И освятили город, и водой святой окропили, а воду из озера брали в чанах серебряных, из Светлояра. Чуден засиял и прекрасен град Китеж!

Помолился князь Георгий в китежских церквах и велел дружине излюбленной в путь собираться, в дальний родимый Псков.

А путей в Китеж был всего один путь — в глухом лесу, и только китежанам одним ведом: тем, кто в Малом Китеже жил, и тем, кто в Большом. Врагу не найти пути к граду Большому Китежу: про него и зверь лесной не знает.

III

Семьдесят пять лет красовался Великий Китеж в лесах заволжских, и слава о нем разнеслась далеко по Русской земле. Не богатством, не воинской силой, не торговой казной славился Большой Китеж, а красой своей несказанной, церквами Божьими златоверхими, звоном Успенским радостным, а больше всего — чистою жизнью мудрой и праведной, китежской. Беззлобно жили китежане и неленносно молились Христу Господу и Его Пречистой Матери.

И стал князь Георгий глубокий старец: к ста годам приблизилось его праведное житие. А ликом князь еще посветлел, и краса не отнялась от него: был он старец благообразный и мудрый.

Настало на Руси тяжкое время. “Попущением Божиим, — так в древних летописях повествуется, — ради грехов наших пришел на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый и разорил грады, и огнем пожег, людей же предал мечу, а младенцев ножом заколол, молодых в плен увел, и плач был великий”.

Застонала Русская земля. Широчайшей волной разлилось татарское плененье по всей земле Русской. Плачем исходила Русь, а горя столько, что и слез не хватит его оплакать. Помощи нет ниоткуда. Князья между собой враждуют, соединиться вместе и ударить дружно на татар не хотят.

Там, где поле ржаное было, теперь степь пустая, где город был, там пожарище черное, где село — там пепел серый.

Дошел Батый безбожный до Волги. Благоверный князь Георгий Всеволодович, старец древний, собрал свою дружину, малую числом да сердцем храбрую, сел на коня, как в молодые годы, развернул свой стяг со Спасовым Ликом Пречистым и вступил в бой с татарами. Сеча была великая и кровопролитная. Потекли кровяные ручьи по земле, усеялась земля мертвыми телами; шума лесного не слышно от звона мечей; не ветер свистит — стрелы в воздухе жужжат и свистят, воздух рассекают. Храбро бьется дружина княжая. Но где осилить! Сила татарская час от часу растет, новые полки прибывают; видит князь Георгий: не одолеть врага. А нужно ему города оборонять, нужно рать свою сохранить.

И бежал князь с ратью своей к городу Малому Китежу. Там затворился он за стенами на малое время; новых воинов в рать набрал, от крови вражеской очистил острые мечи; коней покормил, отдохнуть дал. А орда батыева к Малому Китежу валит, тучей стелется.

Собрал князь Георгий свою рать и ночью, тайно, с опаской великой, выступил из Малого Китежа. Так задумал князь уйти в Большой Китеж с ратью, — благо путь туда татарам неведом, — там, в Большем Китеже силы набрать, накопить и ударить татарам в тыл нежданым и страшным ударом, и прогнать их за Волгу. И пошел князь Георгий неведомой потайной тропой в стольный Китеж, и вошел за крепкие стены, и затворил чугунные врата. А сам у Бога молит: — Господи, подай силу на врага, не допусти его до Пресветлого Китежа. Сохрани Русскую землю.

Той порой подступил Батый к Малому Китежу. Храбро бились малокитежане: день бились, и ночь бились, и утро бились... но сила силу ломит; великая сила — малую крушит. Одолеп нечестивый Батый: взломал городские ворота, ворвался в город. Храмы осквернил, младенцев о камни разбил, всех жителей истребил, но не просто, а с мукой великой.

Знал Батый, что от Малого Китежа в Большой Китеж есть путь единственный, потайной, в лесах и болотах. А без пути туда ходу нет: всю орду в болотах погубить можно, в лесу заблудиться: лес на тысячи верст идет. Слышал Батый, что прекрасен град Большой Китеж, и великий всем богат: и золотом, и серебром, и многоценными камнями, и мехами, и конями, и медом. И порешил:

— Быть Большому Китежу под Батыем! Иначе я — не хан великий, а раб русский!

Собрал Батый всех жителей Малого Китежа и говорит им:

— Кто жив хочет быть, пусть тайный путь мне откроет к Большому Китежу: того казней награжу, а кто пути не укажет — тому смерть лютая!

Но молчит народ малокитежский, не хочет открыть пути в стольный град. Лучше муку принять и жизни лишиться, чем изменником быть и Светлый Китеж предать. И повелел Батый казнить всех казней лютой. Всех показил, все муку приняли, все венцом небесным увенчались с мучениками да праведниками.

Остался один в живых — Гришка Городня.

— Поведешь ли в Большой Китеж? — спрашивают татары.

— Не поведу, — отвечает.

И схватили его татары, и начали огнем палить. Ступни голые палят ему смоляным жарким огнем. Терпит Гришка.

— Поведешь аль нет?

— Не поведу.

Бьют его батогами воловьими.

— Поведешь аль нет?

— Не поведу.

Точат татары острый нож, точат, приговаривают:

— Точим нож на Тришкин глаз.

Приступили они к Гришке, хотят глаза выколоть.

— Поведешь аль нет?

Всю муку выдержал Гришка, а этой убоился:

— Поведу, — отвечает.

И повел несчастный орду поганую на Светлый Китеж.

Ведет тропой потаенной, непроходной. Впереди идет Гришка, путь указывает, а с ним два татарина: с глаз его не спускают.

Как завидят Гришку-предателя звери лесные, — с пути сворачивают, обходят мимо. Смолкли птицы лесные: не до песен. Ветер по лесу идет, воет, деревья валит, ветки ломает — Гришке под ноги мечет: путь буреломом застигает, деревьями упавшими преграждает.

Из болота вода повыступила.

Реки разлились: сколько татар при переправах утонуло! Лес шумит, а Гришке чудится:

— Нет на тебе креста, окаянный. Кого предаешь? Кому на гибель поганых ведешь? Смотри, Бог видит. Бог путь твой зрит.

Лицо у Гришки словно снег. Пал на колени пред татарами.

— Убейте меня, мурзы; лучше смерть мне во сто крат.

— Не убьем, — отвечают и самому на себя рук наложить не дают: с глаз Гришку не спускают.

И вывел их Гришка к Большому Китежу.

IV

Вышли татары из леса и видят: стоит город красы несказуемой на том берегу озера, а перед ним озеро плещет, волнуется, стонет, словно как дитя плачет.

Рад Батый нечестивый:

— Мой будет град. Мое будет золото.

А купола церковные золотом на солнце горят. И говорят татары Гришке:

— Заутра в город нас введешь, а там тебе и казнь будет: тебя, предателя, не помилуем.

Татары коней в Светлояре поят и купают, возмутили его чистые воды. Стали станом на берегу озера. Батыев шатер раскинули. Ждут утра. Костры зажгли, конину жарят, кумыс пьют.

А в городе в Большом Китеже печаль великая и плач неукротимый.

Увидали силу татарскую — и знают, что не одолеть ее, а каким путем она к Китежу подошла — разглядеть не могут.

Собрал князь Георгий в последний раз свою дружину и молвил:

— Братья мои возлюбленные! Ляжем за град Большой Китеж: защитит Господь Свой град — Ему слава, а мы венцы на небесах примем с мучениками и со страстотерпцами.

— Ляжем, княже, — отвечала рать.

Исповедались все, причастились, простились друг с другом, и с церквами Божьими, и с городом пресветлым, и с землею сырою матерью, и с небом высоким, — и вышли на бой.

Прежняя сеча жестока была, а эта еще жесточе. И множество татар полегло, а русских вся рать до одного человека легла костями. И преставился благоверный князь Георгий, приняв венец мученический.

Злобен был нечестивый Батый, Гришку-предателя приказал он стрелами всего истрелять и умучить, а жителей китежских всех до одного человека перебить. Злобен был Батый на то, что лучших воинов его перебил князь Георгий с дружиною, и порешил он истребить с лица земли Большой Китеж. И подступил он к стенам китежским. И взмолились тогда китежане, от мала до велика, все, сколько их было, епископы и священники, монахи, миряне, взрослые и дети, взмолились все Богу со слезами и плачем:

— Господи, Царь Небесный! Если уж решено в совете Твоем предивном и премудром, чтоб одолел окаянный и безбожный, если судил Ты князю преставиться и воинам лечь всем на поле брани, то так и буди. Но пощади святыни Твои, не дай врагу поругаться над храмами Твоими, не дай ему посмеяться над верными Твоими, славящими имя Твое святое. Соблуди град сей и укрой его покровом Твоим. Сделай его невидимым, сохрани его до века будущего. Да вечно сияет Светлый Китеж, да вечно славится в нем имя Твое и празднуется Тебе в храмах Твоих! Господи, Господи! Ты все можешь. Приими нас в обитель Твою, в Пресветлом Твоем Китеже сохрани нас и от врага Твоего укрой незримо и неприступно!

И пали все на землю, и молились долго, а в церквях и соборах службы шли молебные. И каялись все в грехах своих, и

лобызали друг друга, и были все как братья и друзья, любовью связываемые.

И услышал их Господь.

И стали они все невидимы в единый миг, и стал большой Светлый град Китеж невидим со всеми соборами, церквами, палатами и стенами своими; просветлел, просиял, как солнце — и доселе незримо сияет Пресветлый Китеж над озером Светлоярм.

И в ужасе бежали татары от незримых стен Китежских. Там, где были белые стены, теперь холм простой, зеленый, весь в можжевельнике, там, где высились соборы златоверхие, там зашумели сосны с зелеными макушками, где были колокольни высокие, там ели стоят темные и недвижные... Стоят сосны и ели на месте города и в озере отражаются... И напал на татар такой страх, что бежали они, себя не помня, через леса и болота, и много их погибло в болотах и трясилах, и в реках глубоких, и в дебрях и чащобах лесных.

И доныне показывают в заволжских лесах Батыеву тропу, по которой пришел нечестивый царь к Светлому Китежу: вся лесом она заросла непроходным и темным.

А Светлый Китеж стоит на тех же холмах, где стоял, над озером Светлоярм.

Так же блещут золотом осьмиконечные кресты его храмов — Воздвиженского, Успенского, Благовещенского, так же гудит и плывет, как светлое облако, над городом сладостный звон Успенский, так же в храмах идут святые службы Божьи, так же крепки и непреборимы его белые стены и святые ворота, так же жив Китежский праведный люд, так же цветут там сады, и птицы поют на белых яблонях, и шумят белые тонкие березки...

Так же сияет Пресветлый Китеж — только нам он невидим и незрим, по грехам нашим. Мы не видим, что холмы те лесистые — не лесом поросли, а застроены храмами златоверхими, палатами расписными, звонницами высокими. Мы не видим, что люд Китежский, бояре и отроки, простые люди и духовные, идут в храмы Божьи; а сами храмы и церкви — нам только соснами кажутся розовоствольными да елями темными. Мы слышим, как сосны шумят над озером, и березки нежно шелестят листочками, а это — не сосны шумят и не березы шелестят: это в церквях Пресветлого Китежа благовестят, это звонкий и сладостный перезвон идет колокольный...

И только раз в году можно видеть невидимый Китеж. Только и тогда он видим лишь праведному человеку. Тот на заре приходи к озеру Светлояру, пади на колени, молись и смотри в его светлые пречистые воды. Жди солнца. Ударят солнечные первые лучи, и отразятся в чистых Светлояровых водах белые стены Китежа, и храмы златоверхие, и палаты многоцветные. И звон будет слышен к заутреням — китежский сладостный. Крестись же скорее на китежский крест. Вон он сияет в глуби

водной. Молись на храмы Пресветлого града Китежа. Внимай великому звону.

Нет больше счастья, как услышать этот звон. Кто его слышал, тот не забудет и вечно не перестанет желать еще и еще услышать тихий этот звон и благовест дальний. Но кто его слышит?

Тот, у кого сердце чисто, и кто любит всякое создание Божие.

И сказывают старые люди, учат молодых:

Был человек, кто не только китежский звон слушал и на кресты китежские молился, но в самый Пресветлый Китеж был взят и там поселился.

А был он душой чистый, прекрасный; сердцем праведный.

И встосковались по нему отец с матерью, плачут, утешиться не могут и думают: умер их сын. И прислал он им письмецо-грамотку из невидимого града Китежа, описал тамошнее житье, а грамотка та сохранилась. Вот она:

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Родителям моим, батюшке моему и матушке моей. Здрaвы будите. Пишу вам, родители мои, затем, что вы за упокой хотите меня поминать.

Я жив. Когда придет смерть, я вам тогда весточку пришлю, а ныне этого не делайте. Живу я с отцами святыми, в месте покойном. И тишина, и покой, и веселье, и радость духовная, а не телесная. Живут здесь, как лилии полевые цветут, и словно финики и кипарисы растут, и как жемчуг, не стареются, и как звезды небесные. И от уст всегда восходит к Отцу Небесному непрестанная молитва, как благоуханное кадило. И лишь только ночь придет, тогда молитва от уст праведных делается видима: как столбы пламенные с искрами огненными, и исходит свет великий, как от месяца и звезд, и проходит этот свет повсюду как молния. И в то время можно книги писать и читать без свечного огня. И потому все это, что праведные возлюбили Бога всем сердцем своим и всею душою и помышлением, — за то и Бог возлюбил их и все подает, что они просят от Него. Возлюбил их Бог и скрыл, как зеницу ока, и покрыл их невидимым покровом Своим до конца века, и дал им покой, и веселье, и радость, и житье небесное”.

И стоит доселе Пресветлый Китеж невидим, и не увидеть его никому, кроме чистых сердцем и обильных любовью. Им Пресветлый град, нам — лесные холмы и дремучий лес.